

ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА ВАСИЛИЯ СЛЕПЦОВА

Статья К. И. Чуковского

В 1919 г. А. М. Горький сказал одному из окружавших его литераторов:

— Представьте себе, что вы издатель... богатый издатель. И что вы можете сейчас же напечатать все самые лучшие книги, какие только встречались вам в жизни... самые дорогие, любимые... Какие книги напечатали бы вы раньше всего?

Литераторов было человек пять или шесть. Каждому из них (в том числе и мне) Алексей Максимович задал задачу: составить список ста лучших книг, написанных русскими авторами в XIX в.

Мы ретиво взялись за дело и через несколько дней встретились с Алексеем Максимовичем, чтобы обсудить наши списки.

Бегло просмотрев каждый список, он с удивлением сказал:

— Странное дело. Никто из вас так и не вспомнил Слепцова.

— Какого Слепцова?

— Василия. Чудесный писатель... «Письма об Осташкове», «Спевка», «Питомка»...

И лицо Горького засветилось той внезапно нахлынувшей нежностью, с какой он всегда говорил о замечательных книгах, картинах и людях.

— А его «Ночлег»! Отличная вещь, очень густо написанная. Сколько раз перечитывал ее Лев Николаевич. И всегда с восхищением. А про сцену на печи он сказал: «Похоже на моего „Поликушку“, только у меня хуже...»

Толстой действительно с сердечным сочувствием отзывался о произведениях Слепцова. Один из мемуаристов рассказывает:

«Особенно любил он читать Слепцова, и из Слепцова у него было два любимых произведения: „На постоялом дворе“ <т. е. „Ночлег“> <...> и „Шпитонка“ <т. е. „Питомка“>, которую Толстой никогда не мог дочитать до конца. Вначале его чтение этого рассказа по обыкновению было очень выразительно, но под конец глаза заволакивались, черты лица заострялись, он начинал останавливаться, старался преодолеть свое волнение, всхлипывал, совал кому-нибудь книгу, вынимал платок и поспешно уходил»¹.

О той же «Питомке» еще в 1863 г. Тургенев писал В. П. Боткину:

«Это пробирает до мозга костей и, пожалуй, здесь сидит большой талант»².

Ничего этого мы в то время не знали. Я, например, знал только «Спевку» Слепцова, да и то потому, что мне в юности привелось слышать ее в великолепном исполнении теща А. Я. Закушняка.

Через несколько дней Алексей Максимович принес на заседание «Всемирной литературы» однотомник Слепцова, изданный В. И. Губинским в 1903 г., дал его мне и сказал:

— Вот познакомьтесь со Слепцовым вплотную.

Устыдясь своего невежества, я с жаром принялся изучать и сочинения Слепцова, и литературу о нем.

И тут мне бросилась в глаза все та же непостижимая странность: этот даровитый писатель, произведения которого в разное время так высоко ценили Некрасов, Писарев, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Лев Толстой, Чехов, Горький, до сих пор остается для нас незнакомцем. Оказалось, что уже в год его смерти, в посвященном ему некрологе, он был назван «почти забытым писателем»³, и с той поры это наименование осталось за ним навсегда. Из «почти забытого» он стал просто «забытым», а если в юбилейные даты газетно-журнальные критики и вспоминали его, то как будто специально затем, чтобы снова и снова напомнить, что читатели забыли его.

Через десять лет после его смерти в журнале «Колосья» появилась небольшая статейка о нем, так и озаглавленная «Забытый писатель»⁴.

И когда прошло двадцать пять лет со дня его смерти, «Новое время» помянуло его в краткой статье, которая опять-таки называлась «Забытый писатель»⁵.

Однотомник, изданный книгопродавцем Губинским (подаренный мне Алексеем Максимовичем), наглядно свидетельствовал о полном пренебрежении к Слепцову. Губинский был базарный маклак, издававший сонники, жития святых и т. д. Книга называлась «Полное собрание сочинений В. А. Слепцова», хотя в это «полное собрание» не вошли десятки вещей. А те, что вошли туда опубликованы небрежно, в беспорядке: «Владимирка и Клязьма», например, напечатана так: раньше середина, потом — окончание, а в самом конце — начало. Про одну главу этой серии очерков было сказано, что она затерялась, а между тем она была напечатана тут же, на тех же страницах, где ее объявляли утерянной. Повесть «Трудное время» предлагалась читателю в таком исковерканном виде, что можно было подумать, будто она защищает идеи, прямо противоположные тем, какие были дороги Слепцову.

В 1923 г. по настоянию Горького эта повесть вышла в свет в берлинском издательстве З. И. Гржебина. Книга открывалась статьей о Слепцове, написанной Алексеем Максимовичем.

«Крупный, оригинальный талант Слепцова, — было сказано в этой статье, — некоторыми чертами сроден чудесному таланту А. П. Чехова <...> острота наблюдений, независимость мысли и скептическое отношение к русской действительности очень сближают этих писателей, далеких друг от друга в общем»⁶.

В 1930 г. мне после долгих поисков посчастливилось найти архив Слепцова, сохранившийся у его гражданской жены Лидии Филипповны Макаковой (Нелидовой). Архив был невелик, но изучение обнаруженных в нем материалов давало возможность исследователям по-новому понять и оценить творческий путь Слепцова.

Едва только Горький узнал о слепцовском архиве, он предложил издательству «Academia» предпринять новое, научно проверенное издание сочинений Слепцова.

А когда в 1931 г. «Журнально-газетное объединение», возглавляемое Михаилом Кольцовым, приступило к изданию неперiodических сборников «Литературное наследство», в числе тех забытых писателей, которых Горький советовал Михаилу Кольцову «воскресить» на страницах сборников, он в первую голову назвал Слепцова. Тогда же он предоставил «Литературному наследству» свою статью о Слепцове, напечатанную в качестве вводного очерка к берлинскому изданию «Трудного времени», причем сообщил редакции о тех дополнениях и поправках, какие следует внести в эту статью (см. «Лит. наследство», т. 3, 1932, стр. 147). Здесь же была напечатана и моя небольшая статья «Жизнь и работа Слепцова».

Тогда же, в 1932 г., в издательстве «Academia» вышло под моей редакцией двухтомное собрание сочинений Слепцова, в котором была сделана попытка дать новое истолкование его творчества на основе новых материалов. Кроме критико-биографического очерка, я написал для этого издания статьи «Тайнопись Василия Слепцова в повести „Трудное время“» и «История слепцовской коммуны».

Конечно, это издание нельзя считать полным. Хотя многие тексты были в нем значительно выправлены и многие факты биографии Слепцова установлены более точно, но все же собранных материалов было недостаточно для того, чтобы опираясь только на них, полностью устранить всю путаницу и все неясности имевшиеся в тогдашних представлениях о Слепцове — о самой сути его творчества, о его основных убеждениях, о его отношении к революционной борьбе шестидесятых годов.

Большинство критиков склонялось к той мысли, что Слепцов стоял в стороне от происходившей в ту пору героической борьбы за раскрепощение масс. Иные даже утверждали, что он цинично относился к освободительному движению и глумился над русским народом.

Он, — писали о нем либеральные «Русские ведомости», — «не сокрушается и не негодует: он холодно смеется, как при констатировании явления, которое <...> не способно вызвать в нем ничего, кроме насмешки и презрения. Он мертв к каким бы то ни было впечатлениям жизни, кроме отрицательных, и выскивает эти отрицательные явления не потому, чтобы перед ним рисовался более или менее определенный общественный идеал, а потому, что все в жизни, — как выражается Рязанов в „Трудном времени“, — „не жизнь, а так, чёрт знает что, дребедень...“ Сердце Слепцова, по-видимому, перестало биться раньше, чем он начал писать, и мертвенный оттенок скептицизма лег на все его произведения?».

Эти измышления об отсутствии у Слепцова общественных идеалов, о «мертвом сердце» писателя можно было невозбранно высказывать лишь потому, что Слепцов был в то время писателем совсем неизученным и многое из написанного им было неизвестно читателям и критикам. Главным же препятствием на пути изучения и популяризации Слепцова был тот иносказательный, двуланный язык, которым писал Слепцов и который носит название эзоповского. Эзоповским языком Слепцов владел превосходно. Этот язык хорошо понимали читатели шестидесятых годов. Но позднейшие поколения забыли эту условную речь, утратили ключ к ее замысловатому шифру и потому не придали никакого значения целому ряду слепцовских статей, опубликованных в журнале «Современник» и в других периодических изданиях того времени. Не подозревая, что, кроме явного смысла, в этих статьях имеется тайный, засекреченный смысл, исследователи отнесли их к разряду легковесных набросков, не имеющих ни литературной, ни политической ценности.

Такого же ошибочного мнения долго держался и я. И лишь впоследствии, изучив и усвоив в достаточной мере эзоповский язык «Современника», я попытался расшифровать некоторые из слепцовских статей и с большим удовлетворением увидел, что только на поверхностный взгляд статьи эти кажутся бледными, вялыми, а в своем потаенном подтексте они посвящены самым жгучим вопросам, волновавшим передовую молодежь того времени, причем в решении этих вопросов Слепцов выступает как бестрепетный пропагандист революционных идей, не теряющий оптимистической бодрости в эпоху бешеного разгула реакции.

Если расшифровать его «Петербургские заметки», напечатанные в «Современнике» 1863 г., окажется, что, говоря, например, об увеселительных заведениях столицы, Слепцов разумеет под ними весь аппарат государственной власти, а под канатными плясунами и балаганными клоунами —

тогдашних либеральных министров Валуева, Головнина и др. И что вообще эти заметки при всей своей непритязательной внешности на самом-то деле стремятся пробудить в русском обществе, только что пережившем правительственный террор, 1862 г., волю к дальнейшей борьбе.

Таков же подспудный смысл и в других публицистических очерках, написанных Слепцовым для некрасовского «Современника» в 1863 г.

Пристально изучив эти очерки, я счел себя вправе настаивать на полном пересмотре укоренившихся суждений о Слепцове, как о равнодушном и насмешливом скептике, наблюдавшем в качестве постороннего зрителя трагические перипетии неравной борьбы «народных заступников» с осатанелой реакцией.

К счастью, в архиве жены Слепцова, Лидии Филипповны Маклаковой (Нелидовой), сохранился экземпляр «Трудного времени», изданного в 1866 году, с собственноручными поправками автора, не вошедшими ни в одно из дореволюционных изданий. Используя эти поправки, а впоследствии также и найденную С. А. Макашиным рукопись слепцовской повести, по которой она печаталась в журнале, я постарался установить ее подлинный текст, наименее поврежденный цензурой, расшифровать эзоповские недомолвки, иносказания, намеки, которыми изобилует эта повесть, после чего опять-таки нельзя было не прийти к убеждению, что те «унылые вздохи» и «стоны отчаяния», которые слышались в ней многим, даже наиболее проницательным критикам, на самом деле здесь совершенно отсутствуют и что повесть, как и публицистические статьи Слепцова, призывает к преодолению апатии, вызванной мрачной победой реакционного лагеря.

Так мало-помалу перед нами раскрывался подлинный облик Слепцова, остававшийся в течение такого долгого времени неуловимым для историков литературы и для читательской массы. Эта «неуловимость» писателя и позволяла нескольким поколениям критиков высказывать о нем столько разнообразных и противоречивых суждений.

Его идейные позиции, его социально-политические воззрения определились теперь с полной ясностью. То были позиции и воззрения революционного демократа и социалиста, те самые, на которых стоял «Современник» шестидесятых годов, когда журналом руководил Чернышевский. Слепцов был гораздо ближе к Чернышевскому, чем можно было подумать, основываясь на тех неполных, исковерканных текстах, которые включались в дореволюционные собрания его сочинений.

Это подтверждается всей совокупностью новонайденных произведений Слепцова, направленность которых стала нам совершенно ясна лишь в последнее время. Многие из них печатаются впервые в настоящем томе «Литературного наследства».

Когда в 1957 г. в Гослитиздате вышло двухтомное собрание его сочинений, читатели были уверены, что оно подводит итог *всем* материалам, относящимся к жизни и творчеству этого большого писателя. Но они ошибались. Ныне обнаружены ценнейшие тексты, неизвестные прежним исследователям. Текстов этих так много и столько нового света вносят они в наши представления о Слепцове-человеке и Слепцове-писателе, что издание, вышедшее всего лишь пять лет назад, оказалось теперь устарелым, неполным и сейчас должно было бы быть увеличено еще на один том.

Одно из самых важных новейших открытий в изучении художественной прозы Слепцова относится к его роману «Хороший человек». Роман этот при появлении в «Отечественных записках» его первых глав (1871) не имел успеха и остался незаконченным. Читателям он показался тускловатым. Основная идея романа представлялась неясной, фигура главного героя Терebeneва — расплывчатой.

Лишь теперь выясняется, что современникам, как и нам до сих пор, была известна хотя и позднейшая, но худшая редакция романа, ослабленная автором вследствие невозможности провести свой смелый замысел через цензуру.

Первоначальная редакция, которая девяносто лет оставалась под спудом и лишь теперь появляется в «Литературном наследстве», несравненно острее социально и политически и свежее художественно. Из нее мы узнаем, что Теребенев, который в журнальной редакции казался нам чуть ли не кающимся дворянином, здесь выступает как демократ, жестоко гонимый реакцией.

Стало ясно, что Слепцов намеревался отразить в «Хорошем человеке» настроения тех русских людей, которые в трудных условиях краха революционной ситуации начала 60-х годов не сломились, но встали на путь поисков новых форм и средств борьбы.

Теперь, когда нам впервые стал ясен первоначальный замысел романа, становится понятным, почему Некрасов и Салтыков, руководители обновленных в 1868 г. «Отечественных записок» — возлагали на первых порах такие большие надежды на это произведение.

Интересно и важно также новое прочтение известного слепцовского рассказа «Свиньи». До сих пор критики (и я в том числе) не понимали идейной направленности этого произведения, считая его анекдотом, смехотворным гротеском — и только. Публикуемый в «Литературном наследстве» неизвестный отрывок из этого рассказа сам по себе не изменил бы нашего мнения, если бы тут же не была помещена статья, подвергающая рассказ детальному анализу. Сопоставление отдельных эпизодов рассказа с реальными фактами тогдашней действительности убеждает, что те эпизоды, в которых ранее видели невинный фарс, на самом деле имеют политический смысл, так как в них заключен протест против шовинистической антипольской пропаганды. До сих пор считалось, например, что изображенный в рассказе граф Остолопов — это один из князей Куракиных. Теперь выясняется, что под именем Остолопова в рассказе выведен наследник престола великий князь Николай Александрович, путешествовавший тогда по России. Все это позволяет нам видеть в рассказе «Свиньи» одно из замаскированных выступлений революционно-демократического лагеря по животрепещущим вопросам тогдашней общественной жизни.

Другие публикации, входящие в отдел «Художественная проза» слепцовского тома «Литературного наследства», относятся к тем произведениям автора «Трудного времени», которые до сих пор были вовсе неведомы исследователям его творчества.

Одна часть этих произведений (все они малой формы — рассказы, сцены, наброски) публикуется по автографам писателя, никогда еще не бывшим в печати, другая — по первопечатным текстам, обнаруженным в старых журналах и газетах.

Наибольшую ценность в этой группе материалов представляет незавершенный рассказ, без заглавия, начинающийся словами: «Раннею весною...». Здесь беллетристическое дарование Слепцова проявляется во всей своей силе. Несколько страниц сплошного диалога дают тонкие речевые характеристики каждого из персонажей рассказа. Конфликт, на котором построен рассказ, очерчен так метко и скупой, что невольно вспоминается Чехов, предшественником которого недаром называют Слепцова. Отлично написанные куски встречаются и в других вновь открытых слепцовских вещах (например, спор купца с бабой в очерке, озаглавленном «В вагоне III класса»).

Следующие отделы сборника впервые дают нам возможность близко познакомиться со Слепцовым — публицистом и критиком.

За единичными исключениями Слепцов печатал свои статьи анонимно или же подписывал их инициалами «В. С.», а то и просто буквой «С». Многие из этих статей не были опознаны до самого последнего времени, оказались затерянными в старых журналах. Ряд статей, как это выясняется из публикаций настоящего тома, были набраны, но не увидели света по причинам цензурного характера. В настоящее время их корректурные гранки найдены в архиве «Современника». Кое-что, и весьма важное, осталось в рукописях, в той части слепцовских бумаг, которая была отыскана также лишь недавно. По совокупности всех этих причин публицистика Слепцова была до настоящего времени почти неизвестна читателям. В последнем, наиболее полном издании (1957), она представлена всего четырьмя статьями, из которых лишь одна дана полностью. Теперь в слепцовском томе «Литературного наследства» напечатано около 20 фельетонов и статей, включая три обширных цикла журнальных обзоров. Иные из них, наиболее значительные, найдены там, где, казалось бы, их меньше всего следовало искать: в журнале «Женский вестник», о котором сам Слепцов заявил в двух газетах, что больше не станет печатать на его страницах ни единой строки. Мало того, издательница журнала публично (на суде) обвинила Слепцова в одном очень некрасивом поступке, после чего его связь с журналом, естественно, должна была прекратиться.

Позднейшие исследователи (в том числе и я) простодушно поверили заявлениям Слепцова о его разрыве с «Женским вестником» и не стали разыскивать в позднейших книжках журнала каких бы то ни было слепцовских произведений. Но оказалось, что и распря с издательницей, и заявление об уходе из журнала — мистификация, ловкий тактический маневр, предпринятый для того, чтобы ввести в заблуждение цензурное ведомство. Мистификация эта была вызвана цензурным террором, свирепствовавшим в 1866—1867 годах — после каракозовского выстрела. Только что выпущенный из муравьевского застенка Слепцов, бывший сотрудник закрытого «Современника», создатель Знаменской коммуны, был в глазах полиции таким опасным писателем, что ему нечего было и думать об открытом сотрудничестве в «Женском вестнике». Потому-то он и инсценировал свою ссору с издательницей, и это дало ему возможность продолжить работу в журнале, возникшем при его непосредственном участии, и напечатать в нем ряд статей, объединенных заглавием «Новости петербургской жизни».

Тот, кто владеет искусством проникать в иносказания эзоповой речи Слепцова, несомненно придет к убеждению, что этот цикл 1867 года является одним из шедевров русской боевой публицистики. Под маской благодушного фельетониста Слепцов выступает здесь как гневный обличитель деспотизма, лакейства, мракобесия, ханжества, нравственного растления, духовной проституции, которыми ознаменовалась победа царизма над революционным движением шестидесятых годов. Писатель виртуозно пользуется формой беззаботного, легкомысленного разговора с читателями для того, чтобы призвать их к борьбе с темными силами наступившей реакции.

Таков же пафос и других публицистических выступлений Слепцова, в том числе замечательной статьи «О русской журналистике», которая предназначалась для «Современника» 1864 г., но так и не дошла до читателей. Характерна для стиля слепцовской публицистики небольшая статья «Отрывок из дневника» — классический образец остроумного применения эзоповой речи в условиях усилившегося цензурного гнета. Рассказывает ли Слепцов о ребенке, который, не зная за собой ни малейшей вины, все же кается и просит прощения под воздействием отцовских угроз, изображает ли *подвиг* «неукротимой свиньи», мужественно переносящей побои полицейских и дворников, рисует ли несчастную избитую женщину, кото-

рая наперекор всякой логике обожает своего истязателя и питает враждебные чувства к тому, кто из горячего сострадания к ней захотел облегчить ее муки, — во всех этих иносказаниях слышатся проклятия победившей реакции и суровые укоры той массе «культурных людей», которые под давлением репрессий 1862—1863 годов малодушно отрекались от недавних своих надежд и стремлений и погружались в тупое спокойствие. В этом спокойствии, утверждает Слепцов, «есть что-то в высшей степени трагическое. Какое-то странное безумие слышится в нем».

Так через голову царской цензуры Слепцов выступал против апатии общества, и призывал к продолжению борьбы.

В этой статье, как и во многих других, написанных им в тот же период, резко сказывается его непримиримая вражда к либералам — верное свидетельство того, что после закрытия «Современника» и «Русского слова», в эпоху страшного идейного разброда, Слепцов остался верен боевым заветам Чернышевского и ни в чем не уступил враждебной «партии».

Очень жаль, что эти статьи, во многом столь близкие к щедринским «обозрениям» и «хроникам» в «Современнике», входят в научный обиход лишь теперь. Если бы историки литературы и критики могли раньше познакомиться с ними, они не толковали бы и полвека спустя после смерти Слепцова, что отличительной чертой всех его писаний является «холодное(!), черствое(!), глумливое(!) равнодушие к людям». Вообще воскрешенные на страницах «Литературного наследства» статьи Слепцова служат надежным ключом ко всему художественному творчеству этого малоизученного автора. Вместе с тем они представляют собою и немалую самостоятельную ценность. Статьи эти — новое и важное дополнение к известному до сих пор фонду русской революционно-демократической публицистики шестидесятых годов.

Критика до самого последнего времени уделяла очень мало внимания Слепцову-художнику. Его мастерство, которым так восхищались величайшие наши писатели, оставалось почти неизученным. Слепцовский том «Литературного наследства» восполняет и этот пробел, вводя ряд публикаций под общим заглавием «В творческой мастерской». Сюда входит записная книжка Слепцова — одна из тех, по материалам которых он создавал «Владимирку и Клязьму» и «Письма об Осташкове»; сюда входят пословицы и поговорки, собранные им во время его скитаний по Владимирской и Московской губерниям. Обращение к этим источникам позволяет определить те приемы и методы, которые применялись Слепцовым при переработке сырого материала в тот или иной художественный текст.

Биография Слепцова остается до сих пор малоизученной. Документы, публикуемые в настоящем томе под рубрикой «Биографические материалы», содержат сведения о многих неизвестных доселе эпизодах и фактах, относящихся к общественно-политической работе Слепцова, в частности к жизни созданной им так называемой Знаменской коммуны.

Когда в начале тридцатых годов я писал статью «История слепцовской коммуны», я, к сожалению, не располагал теми агентурно-полицейскими донесениями об этом социалистическом начинании шестидесятых годов, которые обнаружены лишь сейчас. Мне была неизвестна и та грязная роль, которую играла в истории коммуны полицейская шпионка Степанова.

Вообще все материалы «Литературного наследства», относящиеся к слепцовской коммуне (в том числе и воспоминания Маркеловой и протокол допроса, который учинила Слепцову пресловутая муравьевская комиссия), имеют первоклассное значение не только для биографии Слепцова, но и для характеристики политического быта шестидесятых годов.

Итак, в слепцовском томе «Литературного наследства» читатель найдет много неведомых доселе материалов, относящихся к жизни и творчеству одного из интереснейших, но все еще мало известных русских писателей середины XIX века. Вместе с тем эти материалы драгоценны для дальнейшего уяснения вообще всей литературной борьбы русской революционной демократии — борьбы, возглавлявшейся Чернышевским, Некрасовым, Салтыковым-Щедриным. Слепцов встает со страниц настоящей книги их достойным и верным соратником.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ А. М. Новиков. Зима 1889—1890 годов в Ясной Поляне. — Сб. «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I. М., 1955, стр. 382, 383.

² Боткин и Тургенев. М. — Л., 1930, стр. 184.

³ «Отечественные записки», 1878, № 4, стр. 348.

⁴ «Колосья», 1888, № 5, стр. 273.

⁵ «Новое время», 1903, прилож. к № 9715, от 22 марта (статья В. П. Грекова).

⁶ М. Горький. Собр. соч., т. 24. М., 1953, стр. 219.

⁷ «Русские ведомости», 1903, № 81, от 23 марта.